

СИЛОВОЕ РЕШЕНИЕ

ЛУЧШИЕ РОМАНЫ СЕРГЕЯ ЗВЕРЕВА

ТЫ МНЕ БРАТ
ТЫ МНЕ ВРАГ

Сергей Зверев

Ты мне брат. Ты мне враг

«ЭКСМО»

2013

Зверев С. И.

Ты мне брат. Ты мне враг / С. И. Зверев — «Эксмо», 2013

В зоне грузино-абхазского конфликта группа вооруженных людей в форме российского спецназа напала на миротворческий контингент Французского легиона, а затем вырезала целое грузинское село. Очевидно, что это чудовищная провокация, однако мировая общественность взволнована и бурно нагнетает антироссийскую истерию! Найти и ликвидировать банду провокаторов поручается отряду спецназа ВДВ майора Лаврова по прозвищу Батяня. Одновременно с той же целью Грузия направляет свое вооруженное подразделение, которое возглавляет майор Джабелия, когда-то вместе с Батяней окончивший Рязанское училище ВДВ. Два старых товарища решают действовать скоординированно и выдвигаются вместе с отрядами к предполагаемому месту проведения следующего теракта. Но бандиты оказались хитрее и коварнее, чем можно было ожидать, и пустили спецназ по ложному следу, приготовив десантуре жестокий сюрприз... Ранее книга выходила под названием «Присяга десантника»

© Зверев С. И., 2013

© Эксмо, 2013

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	12
Глава 4	16
Глава 5	20
Глава 6	23
Глава 7	25
Глава 8	29
Глава 9	33
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Сергей Зверев

Ты мне брат. Ты мне враг

Глава 1

Косматые тучи плыли совсем низко, окутывая вершины горных пиков серым маревом. Сегодня в этих местах непросто было разделить время суток, поскольку днем освещение скорее напоминало затянувшиеся сумерки. Однако для зрителя, привыкшего к однообразию равнинных пейзажей, открывавшиеся виды все равно выглядели бы ошеломляюще. Многоликая и капризная природа грузинских высот удивляла своей броской красотой: горные склоны покрывал густой лес, каменистые равнины громоздились у самых подножий, а у подошвы кряжа тускло блестело небольшое ледниковое озеро.

Прямо посреди этого дикого высокогорного пейзажа расположилось небольшое село. Маленькие сакли с плоскими крышами компактно сгрудились вокруг сванской башни – одной из типичных примет Сванетии. Километрах в двадцати отсюда располагался Зугдиди – небольшой, но известный грузинский город. Однако относительная близость этого культурного и экономического центра не сильно повлияла на вялотекущий – по сравнению с городским – ритм жизни в маленькой горной деревушке.

Источником некоторого беспокойства для местных жителей являлся небольшой военный лагерь, раскинувшийся на востоке от деревни. Вообще-то «лагерь» звучало чересчур уж громко. На самом деле это была стоянка с тремя-четырьмя трейлерами и примерно десятью проживающими. Соединение было расквартировано здесь скорее для видимости, чем в соответствии с реальным стратегическим планом. Местность глуховатая, кругом горы, перекрестки, и крупные дорожные развязки далеко... Логично было бы предположить, что подразделение находится здесь в рамках своеобразной «ответственности» по контролю местности. Страна до сих пор не может успокоиться из-за долгого конфликта с Абхазией, и самопальные группы радикальных боевиков перемещаются с завидной скоростью по всей территории. Чтобы хоть как-то сгладить ситуацию, командование миротворческих сил ООН приняло решение о размещении подобных «гарнизонов» в потенциально опасных регионах.

Военнослужащие в синих жилетах с эмблемой Евросоюза и национальным флагом Франции, недвусмысленно указывающими на их явно легионерскую принадлежность, не сидели без дела. Каждый выполнял свою задачу, поставленную командиром. Последний выделялся ростом и цветом волос – это был высокий блондин с характерными славянскими чертами. Николай Воеводин на самом деле являлся бывшим русским офицером. После службы в казахских степях он подался на вольные хлеба наемника в Европу, попав туда, где оказываются многие подобные ему, – во Французский Иностраннный легион. Время шло, служил Воеводин хорошо, получив французское гражданство. В данное время он носил звание майора. Естественно, гражданство и звания с неба не валятся, и все это Воеводин заработал годами безупречной службы в рядах Легиона.

Его боевая выучка уже прошла проверку и закалку во многих горячих точках по всему земному шару, и поэтому в столь напряженной обстановке Воеводин оказался самой подходящей кандидатурой для командования «отрядом-призраком» в грузинской глуши. Его русский здесь тоже был плюсом – худо-бедно он мог общаться с местными жителями, время от времени намекая, что легионерам совершенно не хотелось беспокоить жителей села, однако служба есть служба. Поэтому хоть селяне и косились на группу «синих», но каких бы то ни было конфликтов майору успешно удавалось избежать. В этом-то, по сути, и заключалась его миссия – предотвратить возможность появления кризисной ситуации между миротворческими вой-

сками и местным населением, а также проводить регулярное обследование местности, для чего в его подразделении находились четыре специалиста-разведчика. Во всем остальном отряд был уменьшенной копией своего «большого брата» – Иностранного легиона: здесь были и алжирцы, и французы, и боснийцы, и один немец. Однако никаких разногласий или национальных претензий они друг другу не выказывали. По традиции Легиона он становится родным домом для новобранцев, и их расовая или иная принадлежность перестает играть всякую роль с того самого момента, когда они становились легионерами.

Воеводин взял бинокль и окинул окрестности внимательным взглядом. Километрах в трех от поселения он заметил движущийся по дороге джип. Поправив резкость оптики, улыбнулся – это был вовсе никакой не джип, а обыкновенный «уазик», причем даже не военного окраса. Это порадовало миротворца вдвойне – вот что доставляло ему головную боль в этом богом забытом селении, так это визиты военных ревизоров.

– Эй, там, кончайте сопли жевать! – неожиданно грубо и голосисто гаркнул майор. – Пять человек – ко мне!

Он понимал, что никакой опасности, скорее всего, в этом «уазике» нет. Но старая военная привычка заставляла его быть осторожным и дотошным в отношении безопасности для себя лично и своих подчиненных.

Скоро «УАЗ» приблизился настолько близко, что Воеводин смог разглядеть номера на его бампере. Они были грузинскими. За рулем сидел водитель типично местной внешности, ничем особенно не выделявшийся. А вот его пассажир заставил майора невольно присвистнуть: это была молодая симпатичная девушка явно европейской наружности. Так как, по понятным причинам, контакты с женским населением были здесь предельно ограничены, то он был рад возможности поговорить с незнакомкой.

Через пару минут «УАЗ» подъехал ко входу в импровизированный лагерь. Там его уже ждала вооруженная пятерка молодцов-легионеров во главе с бравым майором. Прежде чем спросить, кто они такие и какого, собственно, дьявола им тут надо, миротворец галантно обратился к девушке:

– Вам помочь?

– Ой, спасибо, – прошептала она, всучив Воеводину две тяжеленные сумки, – всегда приятно встретить человека культурного. Меня зовут Элен. Элен Бенуа.

– Позвольте узнать, что привело вас в этот край? – произнес майор.

Подчиненные переглянулись между собой и даже тихонько хихикнули – если бы командир подбирал подобные выражения во время построения или сбора в казарме, то подразделение стало бы еще и самым культурным военизированным формированием в мире.

– Видите ли, я – журналист, – заявила девушка. – Так что мое появление здесь связано с родом моей деятельности. Вот видите, я себя уже и рассекретила.

Она звонко рассмеялась, запрокинув голову.

Майор тут же догадался – стрингер! Этот сорт журналистов отличался от остальных тем, что на свой страх и риск они отправлялись в самые горячие точки планеты, собирая эксклюзивный материал, за который впоследствии получали немалые гонорары. Существовала только одна маленькая проблема – их частенько убивали: если не по пути, то непосредственно на месте конфликта.

– Стрингер? – все так же вежливо поинтересовался Воеводин, замечая, как удивленно поднялись брови у его собеседницы.

– Ну, что-то вроде, – уклончиво ответила Элен. – Вы меня приглашаете, или как?

– О, пардон, мадемуазель, – миротворец протянул руку, и девушка легко соскочила с подножки на землю. Сделав картинное «па», она мило прочирикала «мерси» и скромно кивнула на оставшиеся в салоне вещи.

Штатив, камера, еще одна сумка и куча всякой мелочи вроде шнуров, растяжек и спальных ковров громоздились на сиденьях и под ними. Воеводин без лишних слов отрядил двух молодых заняться вещами. Водитель попытался проявить инициативу и хотел выйти из «УАЗа», однако майор опередил его:

– А вам лучше оставаться в машине, – отрезал Воеводин.

– Но как же? – водила посмотрел сначала на него, потом на журналистку.

– Все в порядке, Отар, – кивнула та. – Я останусь здесь, а ты поезжай пока назад.

Водитель пожал плечами и с разочарованным видом спросил:

– Когда за вами заехать?

– Я думаю, часов через пять-шесть, – ответила Элен. – Я думаю здесь снимать, поговорить, так что...

– Хорошо, – Отар перечить не стал.

Когда все вещи были выгружены, он завел мотор, повернул на песчаную дорогу и направил автомобиль в сторону города.

Воеводин провел гостью в лагерь и пригласил к себе в трейлер. Легионеры пошло заулыбались, однако майор окинул их столь однозначным взглядом, что подчиненные тут же приняли вполне серьезный вид.

Когда миротворец и журналистка вошли в дом на колесах, Воеводин задал вполне закономерный вопрос:

– Скажите, а какова все же цель вашего визита к нам?

– Видите ли, я являюсь журналистом французской телекомпании «Антенн-2». И мне... заказали снять сюжет про жизнь наших военных в иностранных миссиях – как, например, здесь, – мило улыбнулась Бонуа.

– Тогда ясно, – кивнул Воеводин. – Надеюсь, я смогу вам чем-нибудь помочь?

В ответ журналистка извлекла из своей сумки толстую черную папку и со стуком брякнула ее на стол.

– И я на это весьма рассчитываю, господин офицер. Всегда важно найти помощь и взаимопонимание, особенно в чужой стране.

– Да, нам будет о чем поговорить. – Майор взглянул на папку, глубоко вздохнул, но все же не растерял своей учтивой любезности: – Что ж, помогу, чем смогу...

– Вот и отлично, – одарила его новой порцией улыбок и благодарных взглядов бойкая журналистка.

* * *

Наступил вечер, однако в лагере царил оживление. После продолжительного интервью Элен решила, что стоит немного пообщаться и с остальными вояками. Своим появлением она, как водится, вызвала ажиотаж среди легионеров. На скорую руку был накрыт стол, все расселись вокруг, и началась приятная и душевная беседа о тяготах и лишениях военной жизни.

К удовольствию журналистки, ей даже практически не пришлось задавать вопросов – легионеры так соскучились по живому общению (а тем более с противоположным полом), что охотно рассказывали обо всем безо всяких наводящих вопросов.

– Вот, например, мне, как французу, – вдохновенно повествовал один из них, смуглый капрал, – очень интересны здешние вина. Я отдаю предпочтение красным – что-нибудь вроде «Киндзмараули» или... как же его... «Ахашени». Великолепный букет и насыщенность вкуса! Нет, естественно, я не буду сравнивать с нашими винами, но это понятно – просто разные вещи.

Его перебил легионер, сидевший сбоку. Он был скорее всего немец – судя по акценту, из приграничных Швейцарии областей.

– Но вы знаете, какое же вино без женщин? – Остальные сотрапезники ухмыльнулись. – Так вот, здешние барышни уж больно норовистые. Воображают себя просто какими-то невероятными недотрогами. Вы знаете, не подступиться! Даже brave легионеры вместо теплой женской компании вынуждены...

– Капрал! Я попросил бы немного попридержаться язык! – майор не выдержал, осадив коллегу. – Не надо забываться.

Капрал, видимо, понял свою ошибку и в ту же секунду оборвал довольно прозрачную мысль. Журналистка улыбнулась и хотела задать какой-то вопрос, но неожиданно со стороны гор послышалось какое-то тарыхтение. Судя по звукам, это были лопастные двигатели. Француженка вопросительно посмотрела на Воеводина, но тот лишь улыбнулся:

– Да не беспокойтесь, мадемуазель, это наверняка вертолет грузинских ВВС. Они часто здесь летают, наблюдая за местностью.

Бенуа как раз собиралась спросить о роли грузинских войск в ходе конфликта, на что и не преминула переключиться. Майор не успел ответить даже на первый вопрос, как произошло что-то совершенно невообразимое. Внезапно из низких туч выросли купола парашютов, и на лагерь с неба буквально посыпались десантники. Офицер успел лишь громко крикнуть: «Не стрелять!» Он был совершенно уверен в том, что это какая-то ошибка или учения, поскольку легионеры находились под защитой международного правового законодательства – ни одна армия мира «не имеет права» атаковать их в подобных условиях.

Не прошло и пяти минут, как десантники уже окружили трейлеры, выстроили во внутреннем дворике весь личный состав, в том числе и майора с Элен. Перед строем прохаживался человек в форме российских ВДВ – судя по погонам, это был старший лейтенант. Как и у его подчиненных, физиономия офицера прикрывалась вязаной шапочкой типа «ночь».

Воеводин не растерялся, тут же поинтересовавшись холодным тоном:

– Чем обязаны?

Старлей промолчал. Он подошел вплотную к Воеводину и внезапно что было силы ударил того в живот. Не ожидавший такого поворота событий легионер упал на одно колено. В следующую секунду старлей гаркнул на весь лагерь:

– Этих тварей согнать в трейлер. Всех!

Видя, что ситуация становится чересчур уж вызывающей, Воеводин решил действовать. Оказываться в качестве бессловесной жертвы у него не было ровно никакого желания. Поэтому, выгадав момент, он резко крутанулся, ударив ближе стоявшего к нему десантника в пах. Тот упал, и его товарищи мгновенно обернулись. Воеводин не терял ни секунды – схватив Бенуа за локоть, потащил за собой. Та особо не сопротивлялась, и уже через пару секунд они, петляя за деревьями, бежали сломя голову в сторону какого-то холма.

– Огонь! – отдал приказ старлей.

Это было последним, что расслышали беглецы, – как и следовало ожидать, за приказом незамедлительно последовал треск очередей. Майор уже ничего не понимал, но ему не хотелось проверять на своей шкуре, были патроны холостыми или боевыми. Француженка спотыкалась, но все-таки не отставала от своего спутника. Последующие минуты были наполнены беготней, стрельбой и желанием выбраться с поля обстрела.

В конце концов беглецам удалось оторваться, и через минут сорок, изнемогая от усталости, они находились на заросшем густым лесом горном склоне. Воеводин немного приподнялся на руках и посмотрел в сторону лагеря.

Картина, открывшаяся перед ним, могла впечатлить любого. Небольшой отряд десантников направился к селу, а оставшиеся их коллеги начали сгонять миротворцев в трейлер. Как только все были внутри, двери закрылись, и двое десантников начали обливать трейлер явно горючей жидкостью. Старлей стоял и отдавал приказы. Казалось, что все происходящее – привычная для него вещь.

Воеводин оглянулся и заметил, что француженка снимает все происходящее на камеру, которую успела прихватить с собой. Со стороны лагеря вспыхнул яркий свет, и следом за этим раздались приглушенные крики. Трейлер вместе с десятком человек пылал как свеча. Офицер только стиснул зубы, бессильно сжав кулаки.

– Надо ведь что-то делать, – пробормотала Элен. – Как же так? И это в наши дни...

Она взглянула в глаза Воеводину, словно ожидая, что тот, словно былинный богатырь, в одиночку, голыми руками, разбросает всю эту нечисть.

Майор опустил голову. Что он мог поделать?

Вскоре где-то в районе села послышались выстрелы и женские крики. Переместившись на другой склон «высотки», беглецы увидели еще одну леденящую душу картину. Солдаты в селе были куда больше похожи на озверевших эсэсовцев-карателей периода Второй мировой, чем на русский десант. Они убивали всех без разбору, а тех, кто сопротивлялся, просто резали штык-ножами или забивали саперными лопатками. Вакханалия превосходила все мыслимые представления. Женщин били прикладами, насиловали, детей просто расстреливали в упор. Воеводин шептал страшные ругательства, а Бенуа, бледная как полотно, продолжала снимать все эти зверства.

Воеводин чертыхнулся. Левее он увидел, как несколько камуфляжников приближаются к ним.

– Там, в километрах двух-трех, грузинский блокпост. Я попробую их задержать, – звенящим шепотом произнес майор. – Быстро беги туда и расскажи обо всем, что здесь происходило. И обязательно сохрани запись, – он указал на камеру. – Пусть весь мир узнает!

Элен кивнула и начала отползать в сторону. Услышав позади стрельбу, она вскочила во весь рост и, пригнувшись, побежала. Воеводин лежал на прежнем месте и дожидался, пока погоня доберется сюда. Дождавшись, он прыгнул на камуфляжника, повалив того на землю. Противник с размаху упал головой на камень, выпустив из рук автомат. Офицер схватил трофей, намереваясь открыть огонь...

А француженка все бежала и бежала. Падая, поднимаясь, она изодрала одежду и кожу на руках и коленях. Не замечая от усталости и того, что творилось у нее под ногами, она оступилась и сорвалась с небольшого каменистого склона прямо в реку. Впрочем, Элен повезло – течение здесь было слабое, поэтому она выбралась на берег.

Упав на траву, она почти автоматически проверила состояние камеры и вслушалась в ночь. Преследователей не было слышно. Значит, она оторвалась. Или ей дали уйти...

Глава 2

Через несколько дней обессиленная Элен добралась до Тбилиси. Она добиралась на попутках. Местные жители, услышав даже малую толику того, что произошло с ней на блокпосте, без лишних расспросов радушно и хлебосольно принимали ее в своих домах. Уже на пути к столице журналистка прекрасно представляла, какой резонанс вызовет ее материал.

Собственно, так и произошло. После двух минут собеседования с редактором и просмотра видео на монтажном экране материал был почти сразу пущен в новостной блок. Грузия взорвалась. Отрывки видео мгновенно выложили в Интернете, а на редакцию грузинского канала посыпались запросы от иностранных компаний с предложениями выкупить пленку за баснословные суммы.

Однако обогащение отдельно взятой региональной телекомпании стало самым что ни на есть мизерным последствием всей этой истории. Как только ролик прокрутили по основным каналам Франции, Германии, Италии и США, мировая общественность обрушилась на Министерство иностранных дел Российской Федерации с завидным единодушием.

Конечно, немногочисленные критичные умы с первых же дней «информационной войны» сформулировали несколько вопросов, адекватные ответы на которые ставили бы под сомнение вину России в этой поистине ужасающей резне мирного населения. Во-первых, если бы «русские десантники» (а этим словом вскоре пугали практически все западноевропейское население) задумали действительно уничтожить форпост французов (что уже само по себе не имеет никаких логичных аргументов), то какого рожна они вышли на операцию в форме, при нашивках и шевронах? Проще уж было нацепить парадные эполеты и действовать вовсе без масок – скрытности ничуть бы не убавилось.

Во-вторых, каким образом хрупкая журналистка, на фоне обученных русских вэдэвэшников выглядевшая физически весьма скромно, смогла скрыться от целого отряда извергов? Если бы им было необходимо сохранить инцидент в тайне – уж они бы постарались, взяв резвую репортершу вместе с материалами и живой.

Однако ни одно из замечаний не было воспринято широкими кругами международной общественности. Для масс оказалось важнее сочувствовать трагедии, которая была документально подтверждена и имела утвердительный моральный посыл – «современный фашизм» в лице российских военных. Но Министерство иностранных дел РФ не спешило мириться с подобным положением дел. В свою очередь, войска категорически отрицали свою причастность к инциденту и предоставляли все требуемые отчеты о состоянии и действии частей на момент трагедии. Тем не менее многочисленные «комиссии», выросшие как грибы после дождя, с таким рвением и упорством выворачивали факты наизнанку, что любой отказ российского МИДа о предоставлении документов по делу мог расцениться как международное преступление против прав человека и существующего мирового порядка.

Особый акцент правозащитники и международные обвинители делали на том факте, что мирные жители добивались саперными лопатками. Упор на чудовищную жестокость и варварство, абсолютную бесчеловечность русских и прочие штампы, до этого применявшиеся исключительно по отношению к «гитлеровскому садизму», гвоздями вбивались в головы обывателей Запада.

На месте трагедии побывала комиссия особо уполномоченных международных экспертов. Ее члены ранее принимали участие в югославской, иракской и некоторых африканских кампаниях. После визита они пребывали в шоке. По признанию экспертов, такое они видели впервые в своей жизни и просто представить себе не могли, какими зверями надо быть, чтобы так хладнокровно и методично вырезать людей. Правда, ни одного реального предмета, подтверждающего причастность российских десантников, кроме лопаток, найдено так и не было.

Но Бенуа, одна из инициаторов полного обнародования всех фактов дела, уверяла, что ошибки быть не может. Став главным действующим лицом всех новостных и аналитических программ в мире, она упорно гнула одну и ту же линию – русские прилетели, всех убили и исчезли. Просто, грубо, бессмысленно – мол, так они всегда и поступали.

Водителя Элен, второго прямого свидетеля развернувшейся трагедии, найти так и не смогли. Он словно в воду канул – никаких следов от него не осталось вовсе. Отпечатки шин на горной дороге исчезли через считанные часы после нападения, а сам он не выходил на связь уже несколько суток. Выводы были сделаны в духе царивших страха и русофобии – он был убит русскими, а тело и машину спрятали очень надежно, заметая следы. Смехотворная для здравомыслящего человека версия экспортировалась с такой настойчивостью, что казалось, по-другому произойти не могло.

Цинковые гробы французских легионеров прибыли на родину уже на волне бурлящей кампании. На устроенной по случаю перезахоронения солдат встрече президент и премьер-министр Франции заявили свой однозначный и резкий протест России. Страны Европейского союза после проведения нескольких показательных заседаний Еврокомиссии направили президенту Российской Федерации дипломатическую ноту понятного содержания.

Нельзя не отметить, что майора Воеводина, еще одного свидетеля конфликта, героически отстоявшего жизнь Бенуа, так и не нашли. Ни живого, ни мертвого – и его следы бесследно исчезли.

Командование Североатлантического альянса, словно получив зеленый свет, начало разворачивать свои силы в регионах, находящихся в непосредственной близости от российских границ. Выглядело все это весьма впечатляюще и тревожно. Мирное население западных стран устраивало митинги и демонстрации с призывами более решительных действий, а некоторые радикальные группировки прямо призывали к «справедливому возмездию». Проблема терроризма полностью отошла в тень вопроса о «бесчеловечности» России.

ООН и многие представители крупнейших компаний недвусмысленно намекали российскому правительству на «санкции». Биржевые показатели, иностранные инвестиции, все совместные проекты по модернизации производства – все это в любой момент могло пойти прахом. Имидж страны был подорван настолько, что дальше некуда.

Но все это было лишь экономической стороной дела. А вот вопрос войны и мира на этот раз стоял буквально боком, готовый развернуться на всю мощь военного арсенала крупнейших мировых держав. Ни один нормальный человек на Земле не хотел бы этой войны – но ситуация неоднозначно сигнализировала о том, что при дальнейшей эскалации конфликта и таком информационном прессинге весь мировой порядок может взорваться.

Неразрешенным оставался вопрос «что делать?». И ведь никто не брался даже предугадать, сколько времени понадобится, чтобы он перерос в «на какой планете теперь жить будем?».

Глава 3

Жарким летним днем Сухуми блистал великолепными приморскими пейзажами. Море, солнце, горы, щедрая южная природа – подобная роскошь всегда была визитной карточкой этой чудесной земли. Как считают сами местные жители, это земля, избранная Богом за ее красоту, а народ Абхазии – ее доверенный хранитель. Сам Сухуми вел обычную для себя жизнь, то есть столицы в довольно противоречивом государстве. Несмотря на свои скромные размеры, Абхазия находится в очень «удобном» геополитическом регионе. После развала Советского Союза она принялась строить свою жизнь на правах суверенной страны. Однако Грузия, в которую ранее входила Абхазия в качестве автономной республики, абсолютно не желала такого будущего для своего бывшего «подчиненного».

Развернувшийся по этой причине конфликт, последствия которого чувствуются и по сей день, заставил Абхазию приспособливаться к новым реалиям жизни.

Километрах в десяти от города располагалась воинская часть спецназа ВДВ Российской Федерации. И сейчас здесь, над побережьем, на продолговатом песчаном валу проходила тренировка солдат под руководством нескольких российских офицеров. Руководивший занятиями майор-россиянин выглядел опытным и закаленным профессионалом. Уверенные движения, отличное знание теории и практики, жесткая манера общения выдавали в нем человека бывалого и знающего. Это был майор Лавров по прозвищу Батяня – ветеран ВДВ, один из самых опытных бойцов спецназа. В этой части, да и не только, он пользовался безусловным авторитетом, и поэтому абхазские военные, в данный момент находящиеся под его непосредственным командованием, очень внимательно вслушивались в его слова.

Впрочем, Батяня обычно налегал не на разговоры. Он предпочитал действие, практику. Строя свою жизнь чуточку иначе, быть может, он уже спокойно дослужился бы до генеральского чина и почивал на лаврах. Но его характер и по-настоящему офицерская воля не позволили Батяне стать очередным выслугой. Его резкость, стремление резать правду-матку в глаза отнюдь не способствовали быстрому продвижению по карьерной лестнице. Да он к этому и не особо стремился. Майор с охотой и знанием дела выполнял свою работу, по долгу профессии десантника часто рискуя жизнью за тех, с кем иногда даже и не был знаком.

На этот раз Батяня и еще несколько его коллег были откомандированы в Абхазию для проведения курса обучения местных военных. Несмотря на внешний прессинг из-за инцидента с миротворцами, Сухуми обратился за помощью именно к России. Ведь именно эта страна во многом поддерживала Абхазию после развала Советского Союза.

Батяня достал саперную лопатку, живописно провел ею перед строем.

– У меня к вас есть вопрос, бойцы: кто знает, что это такое?

Военнослужащие переглянулись, подозревая, что здесь кроется какой-то подвох. Первым откликнулся какой-то сержант:

– Саперная лопатка, товарищ майор!

– Молодец! Сразу чувствуется уровень, – похвалил его Батяня. – Я, в общем-то, особо и не сомневался. Инструмент вы уже, стало быть, знаете. Значит, должны догадаться, что мы сейчас с его помощью будем делать.

Майор, хитро улыбаясь, сделал паузу, но строй хранил могильное молчание.

– Ну что же, тогда скажу я, – Батяня окинул взглядом шеренгу. – Ло-о-ожись!

Солдаты без лишних вопросов попадали на животы.

– Приступить к рытью окопа «в полный профиль»! – Абхазские армейцы немедленно принялись за реализацию инициативы командира.

Батяня удовлетворенно улыбнулся и тут же добавил:

– И чтобы вам, братцы, не было обидно, я, пожалуй, займусь этим делом вместе с вами.

С этими словами майор начал вгрызаться в землю. Сказать, конечно, легко, а вот здешняя земля лопате поддавалась с большим трудом. Сухая, каменистая – так называемый лес. Такой тип почвы, пожалуй, самый нежелательный после замерзшего грунта. Без кирки сделать хоть сколько-нибудь эффективный раскоп было очень непросто. Однако Лавров принялся целенаправленно вырезать контур окопа. Солдаты, надеявшиеся, что Батяня, убедившись, что грунт фактически неподъемен, отменит приказ, были жестоко разочарованы.

Несмотря на сложность почвы, Батяня справлялся со своей задачей очень даже неплохо. Когда самый быстрый из солдат еще только выгребал песок с уступа, Батяня уже лихо утапывал бруствер. Смахнув рукой пот со лба, майор набрал горсть камней и бросил три-четыре штуки в сторону одного недостаточно расторопного сержанта.

Камни попали за шиворот и по каске. Сержант немного опешил, поднял голову и задал вполне резонный вопрос:

– Товарищ майор, за что? – с напускной обидой отозвался сержант.

– А чтобы служба медом не казалась, – с улыбкой ответил Батяня. – Это я сейчас в тебя камнем запустил. А в реальном бою у тебя вместо головы такой борщ был бы уже – мама не горюй!

Батяня повернулся к окапывавшимся и, повысив голос, сообщил:

– Товарищи бойцы, слушаем сюда! – Солдаты с большой охотой оставили лопатки и приготовились внимать словам командира.

Истомленные вояки надеялись, что на этом их мучение прекратится, но не тут-то было. Батяня разочаровал их весьма скоротечной и жесткой тирадой:

– Лопатка, бойцы, – это третий инструмент десантника после автомата и парашюта. Умение правильно десантироваться и точно стрелять не стоит ровным счетом ничего, если при этом не уметь грамотно окопаться. Такой минус станет основным и последним. Это понятно?

Измазанные песком и глиной головы мерно закачались.

– Но лопатка – это не только палка-копалка, но и довольно серьезное оружие.

По траншее прокатился смешок. Контрактники скалили зубы. Батяня, однако, оставался предельно суров.

– Что, не верите? – Он легко перебросил лопатку в другую руку. – Трудно представить? В таком случае могу и показать.

Солдаты недоверчиво посмотрели в сторону майора. Но спорить в открытую никто не решился. Впрочем, майор уже был прекрасно известен контрактникам как человек опытный, обладающий огромным багажом знаний, поэтому они сочли за лучшее подождать дальнейшего развития «событий».

– Бойтесь, что ли? Да что вы словно овечки в стаде? – От нетерпения Батяня все быстрее и быстрее вращал лопатку. Наконец его взгляд остановился на довольно внушительной фигуре сержанта: – Эй, сержант, а ну-ка, прояви боевое рвение!

Бугай тяжело выдохнул и спустя несколько секунд оказался прямо перед носом у Лаврова.

– Бери автомат, – скомандовал Батяня. – Сейчас мы с тобой на пару и продемонстрируем, что к чему.

Сержант немного опешил, но не ослушался.

– Штык примкнуть! – приказал майор.

Громила и здесь не стал перечить.

Отойдя от своего противника на пару шагов, Батяня поманил того лопаткой:

– Ну, что ты стоишь, как березка в поле? Давай, нападай, не бойся! Действуй как в бою – под мою ответственность.

Сержант недоверчиво ухмыльнулся, однако расслабляться не стал – тут же прямо перед носом у Батяни просвистел острый армейский штык. Тот ловко поднырнул под автомат и руко-

яткой лопатки ударил сержанта в живот. Тот попытался перехватить автомат за цевье и «придушить» Батяню, но старый десантник оказался куда быстрее подчиненного. Не дожидаясь, пока автомат придавит его шею к железной груди сержанта, Батяня ударил штыком – на этот раз лопатки – по запястью противника и ударом ноги заставил того опуститься на одно колено.

Однако сержант и не думал сдаваться. Второй рукой он ловко перехватил автомат и попытался прикладом достать до головы Лаврова. Тот мгновенно среагировал и успел отвести рукой опасный удар в сторону. После этого Батяня рывком выбил из рук сержанта оружие и локтем пригвоздил его к земле.

– Вот так-то, – на выдохе произнес командир. – Если грамотно использовать даже минимальные средства, то можно достигнуть и максимальных результатов.

Пока майор преподавал военную науку своим подопечным, со стороны за ним наблюдали две пары глаз. На противоположном склоне стояли двое: один, судя по петличкам и полевым погонам, был генералом. Второй был одет в обычный костюм, однако некоторые детали выдавали в нем дипломата. Да так оно, собственно, и было. Петр Сергеевич Гаев являлся сотрудником МИДа.

Видимо, еще до того, как посетить полигон, они о чем-то увлеченно беседовали. И вот сейчас, как будто вспомнив, продолжили с середины. Гаев заметно нервничал и утирал пот со лба клетчатый платком, всего пару минут назад торчавшим из его нагрудного кармана.

– Если мы не найдем этих грузинских подонков, то может разразиться такой скандал – мало не покажется! – В голосе дипломата явно чувствовались нотки бешенства. – Сейчас это дело должно стать первоочередным. Все остальное – постольку-поскольку!

– Да уж, соглашусь на все сто, – генерал Славин был настроен не менее решительно. – Как говорится – дело чести.

После того как имидж российских войск был так испорчен, он буквально спал и видел, как ему предоставят возможность учинить расправу над этими «кавказскими фашистами».

– Но вы же понимаете, генерал, – Гаев повернулся, взглянув Славину прямо в глаза, – что для этой операции нам нужен совершенно исключительный человек? Может быть, это звучит чересчур напыщенно, но на самом деле именно так и есть.

– Я понимаю это даже лучше, чем вы можете себе представить, – несмотря на всю суровость выражения своего лица, генерал все-таки улыбнулся. – Вот этот майор – просто находка для нашего дела.

С этими словами Славин красноречиво кивнул на Лаврова.

– А как у него с... биографией?

– Идеально! – По тону было очевидно, что генерал открыто гордился этим бойцом.

И, надо заметить, небезосновательно, о чем он не замедлил сообщить:

– Боевой офицер, опытный, неприхотливый, добросовестный и исключительно профессиональный. За наградами не гонится, выполняет приказы четко и с толком. На счету Лаврова список заданий, которые вряд ли кто-то, кроме него, сумел бы выполнить. У подчиненных и сослуживцев пользуется непререкаемым авторитетом.

– А если... – мидовец уже занес палец для какой-то многозначительной ремарки, но генерал тут же прервал его:

– Никаких «если» – тут у нас Министерство обороны, а не Министерство иностранных дел.

Гаев хмыкнул:

– Все-таки хотелось бы переговорить с ним лично.

– Нет проблем, – кивнул Славин.

Утомительные занятия были прерваны, чему уставшие от перелопачивания земли абхазские военнослужащие обрадовались сверх меры. Через минуту Батяня уже стоял по стойке «смирно» перед Славиним.

– Товарищ генерал! Гвардии майор Лавров по вашему при...

– Ладно, ладно, майор, будет тебе, – кивнул тот. – Тут вот человек с тобой переговорить хочет. Присаживайся...

Батяня бросил взгляд на неброского человека в гражданском костюме. Тот улыбнулся, но глаза его оставались серьезными и острыми.

Глава 4

Заря уже отпыхала за горизонтом, и солнце неспешно выкатывалось прямо над грузинской столицей. Первые рассветные лучи резко пронзали зыбкий воздух старых предместий Авлабари.

Эти живописные кварталы, располагавшиеся практически в самом центре Тбилиси, были своеобразным паспортом столицы. Непередаваемый колорит местной жизни чем-то напоминал одесские зарисовки, но еще более сильный южный акцент давал понять, что Авлабари – это что-то по-настоящему необыкновенное и не похожее ни на что на свете.

Узкие мощные дорожки со всех сторон сжимали старые громоздкие дома позапрошлого века. Узорные балконы, просторные террасы, классические дворы с развешенным бельем и кучей детворы – все это было привычным ритмом жизни старого города. Казалось, что время здесь остановилось как минимум полвека назад – даже при столь плотной застройке создавалось ощущение, что простора в этих лабиринтах ничуть не меньше, чем на проспекте. Виноградники и кусты глицинии красочно зеленели на верандах, свешивая свои громоздкие лозы чуть ли не до самой земли.

Впрочем, приметы современности, конечно, присутствовали и здесь – в том числе и в виде шикарного белого лимузина, припаркованного у одного из домов. Его присутствие само по себе было нехарактерно для таких районов, а этот экземпляр и вовсе довольно вальяжно расположился на тротуаре и как будто дразнил своим внешним видом.

И если местным жителям, вполне довольствовавшимся собственным неспешным существованием, было в принципе плевать, что у них под носом находится целое состояние, то два человека самого гнусного вида, вышедшие из соседней с домом арки, были несколько другого мнения по этому поводу.

Не привлекая внимания, они медленно подошли к автомобилю. Один из них что-то шепнул, и его напарник тут же буквально прилип к дверце автомобиля. Он извлек из кармана странное устройство, напоминающее градусник, немного поковырялся под стеклом, после чего спрятал игрушку и удовлетворенно хмыкнул. Сигнализация была отключена. Стоявший неподалеку сообщник подал знак: «Пора». Угонщик не спеша открыл дверь, сел в салон и начал копаться в системе зажигания. Второй не замедлил присоединиться к компаньону.

Внезапно с противоположной стороны улицы раздался шум мотора, и через пару секунд на мостовой показалась такси. Подъехав к соседней двери, машина остановилась, и из нее вышел средних лет человек. По его осанке и манере держаться можно было практически безошибочно определить – этот гражданин либо долгое время служил в армии, либо и поныне находился в войсках. Как бы там ни было, он расплатился с таксистом и хотел было уже направиться к двери дома, как вдруг заметил странную картину: двое мужчин с малоподходящей для этого внешностью сидели в лимузине и ковырялись в системе зажигания.

Человек прищурил глаза и что-то пробормотал себе под нос. Похлопав себя по карману, он направился в сторону автомобиля. Когда «любопытствующий» подошел практически вплотную к лимузину, то остановился и громко спросил:

– Эй, генацвале! А что, гость моего соседа Дато уже продал тебе свой автомобиль?

Угонщики немного опешили от такого обращения, однако тот, который сидел справа, не преминул ответить:

– Тебе какое дело? Больше всех надо? – Он состроил угрожающую физиономию, не обещавшую ничего хорошего. – Проходи мимо!

Начавший разговор хотел было сказать еще кое-что, однако второй бандит оказался проворней. Захлопнув дверь, он крикнул своему напарнику:

– Что ты там возишься – заводи!

Тот, к кому он обращался, заметно занервничал, однако буквально через пару секунд мотор загудел, и взломщик схватился за баранку.

Давид Джабелия – так звали вмешавшегося в планы угонщиков человека – понял, что если он сейчас ничего толкового не предпримет, то гостю соседа с машиной можно будет попрощаться. Решение пришло внезапное и, как оказалось, верное – через пару мгновений он оказался рядом с мусоркой и изо всех сил пнул ее ногой. Тяжелый бак упал на землю, подкатившись к передним колесам лимузина. Один из угонщиков был явно взбешен таким ходом событий, поэтому выскочил из салона, попутно доставая нож.

С криком он бросился на Джабелия, однако тот ничуть не растерялся и отточенным движением вывернул нападающему руку, а затем резко бросил его через бедро. Лезвие упало на мостовую, звеня и подпрыгивая.

– Шэни дэда мовтхэн! – в сердцах проорал поверженный.

Это ругательство считалось настолько неприличным и оскорбительным, что Давид даже пнул поверженного налетчика в живот.

– Если тебе дали язык, то это не значит, что им ты можешь гадить.

Однако напарник злодея тоже не дремал. Выскочив из салона, он направил в сторону Джабелия пистолет, но грамотно использовать его не сумел. Защитник справедливости быстро перескочил через капот и, еще в движении, выбил пистолет из рук. Грохнул запоздалый выстрел. Угонщик попытался ответить ударом в живот, однако взамен получил тяжелый удар по ребрам и пару хуков в область головы. Второй налетчик уже пришел в себя и набросился на Джабелия сзади. Несмотря на кажущуюся выгодную позицию, он просчитался и здесь, буквально в следующую секунду оказавшись на булыжниках с передавленным коленом горлом. Попытавшись прохрипеть какое-то не менее ядреное словцо, он снова отхватил предупреждение в виде ощутимого удара затылком о камень.

– Послушай, если будешь столько ругаться, язык отсохнет, – нравоучительным тоном пообещал Давид.

Однако обездвиженный грабитель никак не желал мириться со своей участью.

– Я тебя, урода, найду и живым закопаю, – брызгая слюной, покатил «старую телегу» взломщик, – у меня четыре ходки, меня во Владимирском центре наши вором короновали, ты понял? Я тебя, шакала, порву, как соплю! Ты покойник, ты даже не представляешь, что я с тобой сделаю! Я...

Победителю явно было недосуг выслушивать такие неизбирательные угрозы, поэтому он в очередной раз аккуратно приложился к воровской физиономии.

– Да плевать мне на твой централ! – Джабелия взял амбала за волосы и задрал голову вверх. – Я Рязанское училище ВДВ закончил, ты понял, урка вонючий? Таких, как ты, нельзя и из колыбели выпускать. Хотя я сомневаюсь, что она у тебя была.

Однако им было не суждено продолжить диалог, потому что на шум выстрела и драки из дома выбежали два человека. Один из них был уроженцем и жителем Авлабари, соседом Давида, а вот другой выделялся довольно массивным телосложением и грозным выражением лица. Судя по всему, эта махина была владельцем лимузина.

Повернув голову, Давид увидел обоих. Узнав здоровяка, он улыбнулся и помахал ему свободной рукой.

– Добрый день, генацвале! – с усмешкой произнес здоровяк. – Поначалу мы подумали, уж не нужна ли вам помощь, но быстро стало ясно, что в этом нет никакой необходимости.

«Вот так встреча!» – подумал про себя Давид. Здоровяк, стоявший на пороге дома, был часто мелькавшим на ТВ полковником Тенгизом Георгадзе – одним из главных чинов грузинского спецназа. Последнее время Давид лично не сталкивался с Георгадзе. На то имелись свои причины – ведь он уже который год был в отставке...

– Я сразу понял, что здесь гость моего соседа, а машина, стало быть, – ваша, – вежливо изложил Джабелия. – Ну а разве я могу допустить, чтобы у меня на глазах происходило такое? Гость соседа...

Однако ни сосед, ни Георгадзе не были согласны с подобной постановкой вопроса.

– Какой гость?! – Тенгиз спустился на тротуар и подошел к Джабелия вплотную. – Я тут с самого утра тебя дожидаюсь! Телефон не отвечает, сосед сказал, что ты уехал в Зугдиди. Я уж думал, что и не дождусь тебя сегодня.

Дато неловко улыбнулся, но Давид уже и так все понял.

– Будь добр, Дато, позвони пока в милицию, а этих двух свяжи и пусть пока посидят на улице. – После этих слов Джабелия повернулся к Георгадзе: – А вас я приглашаю в свой дом – будьте моим гостем!

Выполнить просьбу для Дато не составляло никакой проблемы. Перед тем как оставить двух злодеев на его попечение, Давид еще раз приложился к каждому, лишив возможности не только сопротивляться, но и вообще предпринимать какие-то действия. Так что сосед Джабелия отправился в дом за веревкой, а когда вернулся, оба все так же неподвижно «отдыхали» на тротуаре. Насвистывая под нос веселый мотив, Дато связал обоих, ожидая в скором времени вызванных представителей закона.

Джабелия и Георгадзе вошли в дом, и Давид сразу же поставил кофе. Он жил один, однако его жилище не производило впечатления запущенного холостяцкого гнезда. Все было уютно и чисто прибрано, свет разливался по комнате, а на столе стояла ваза со свежими фруктами.

– Сейчас я накрою на стол, – сообщил хозяин квартиры, – немного обожди.

– Не стоит особо суетиться, прошу тебя, – усмехнулся спецназовец. – Я ведь не пировать приехал.

Однако законы грузинского гостеприимства непреложны. Через пятнадцать минут накрытый стол приятно радовал глаз. Гость и хозяин беседовали о последних событиях.

– Скажи, а зачем ты ездил в Зугдиди? – задал вопрос Георгадзе.

Собеседник внимательно взглянул на него – Тенгиз знал и об этом, следовательно, направление разговора можно было предугадать.

– Понимаешь, в этом селе жила моя... мама.

– Прошу прощения, – полковник покачал головой.

– Нет, ничего, – ответил Давид. – Я хотел разузнать, остался ли хоть кто-нибудь в живых.

После тех событий каждое свидетельство могло оказаться ценным, особенно для меня.

– И что же? Какие-то сведения удалось получить?

– Да все больше неутешительные, – потер ладонью лоб хозяин дома. – Оказалось, что ее нет ни среди живых, ни среди мертвых. Все, кто мог выжить, разбежались куда глаза глядят, – грустно сообщил он.

– Да-да, я знаю, – кивнул гость. – Там сейчас такой бардак – сам черт ногу сломит. Вся эта история теперь не известна, пожалуй, только глухонемому. Вот по этому поводу у меня и есть одно предложение...

Давид сузил глаза – его предположение оказалось верным. Тенгиз не случайно завел разговор на подобную тему.

– Нет! – Давид повернулся к полковнику и, наливая из кофейника в кружку черный душистый напиток, сказал: – Послушай, Тенгиз, такие предложения не для меня. Я давно в отставке и не принимаю никакого участия в военных делах. Хватит с меня. И поучаствовал, и навоевался...

– Э-э-э, вот тут я с тобой не соглашусь, дорогой. Спецназ не бывает «в прошлом», – резонно заметил Тенгиз. – Да и к тому же ты ведь знаешь в тех местах каждый камень. Ведь ты рос там, не так ли?

– Да, это верно, – ответил Джабелия. – Но повторяю еще раз – я ни в чем участвовать не собираюсь.

Он покачал головой, думая о том, что еще утром и представить себе не мог, что его помощь потребуется власти. Годы относительно спокойной жизни постепенно отодвигали в далекое прошлое все то, что когда-то составляло основную часть его существования. И вот на тебе...

Полковник отпил немного кофе, молча глядя на хозяина дома. Давид Джабелия был образцовым десантником и в прошлом выделялся идеальной службой и редкими в то время принципами чести. Однако тот факт, что он несколько лет назад по собственному желанию уволился из армии, играл немаловажную роль в его судьбе – теперь Давид и правда ничего слышать не хотел о продолжении службы.

– Послушай, – наконец произнес Георгадзе. – Помоги нам, а мы поможем тебе. Я понимаю, что тебе очень тяжело из-за матери. Но при моем содействии ты сможешь сделать все возможное, чтобы выяснить, что с ней случилось. Вся надежда только на тебя. Опять же, подумай о том, что те нелюди могут остаться безнаказанными. Те, кто убивал женщин, детей, стариков...

Давид отвернулся, однако продолжал слушать.

– Нам взялась помочь одна хрупкая девушка... Неужели ты откажешься? Ты что, Давид, хуже девки, что ли?

– Что ты конкретно предлагаешь? – оборвал предложение Джабелия.

– Понимаешь, действовать придется в буферной зоне – грузинским войскам там появляться, сам знаешь, нельзя. А ты опытный офицер, полностью информирован обо всех событиях из первых рук.

Давид развернулся, посмотрел на гостя и кивнул:

– Ну, допустим. Продолжай...

Глава 5

Скалистые кряжи тянулись с запада на восток сплошной стеной. Где-то внизу зеленели луга, но здесь, наверху, кроме камня, не было ничего. Голые отроги и кое-где поросшие кустарником обрывы вздымались отвесами над ландшафтом.

В одной из впадин стояло несколько палаток. Они были искусно закамуфлированы, что не оставляло сомнений – это перевалочный лагерь какой-то мобильной группы с «военным уклоном». Собственно, судя по шевронам и нашивкам, присутствовавших здесь можно было легко определить – российские ВДВ. Но это были те самые «десантники», недавно превратившие мирную грузинскую деревню в кровавый ад.

Под маскировочной сеткой сидели десять человек. Неподалеку лежал связанный по рукам и ногам пленник – исчезнувший после резни майор-миротворец Николай Воеводин. Он уже пришел в сознание, однако не подавал виду, прекрасно понимая, что его в лучшем случае еще раз оглушат, а в худшем – тут же пристрелят. Из-за сильного сотрясения он никак не мог прийти в себя и поэтому не пытался точно проанализировать ситуацию. Память была обрывочной, помнил он только некоторые отдельные фрагменты. Но картина складывалась явно неутешительная – даже по тем клочкам, что роились в гудящей черепной коробке, его положение представляло самым незавидным. Он находился в плену у банды убийц и ничегошеньки не мог поделать.

Командир группы, тот самый «старлей», как и все его люди, на этот раз был без маски. Его лицо сразу привлекало к себе внимание – нет, не шрамами, которых было достаточно, а выражением злобы и жестокости. Циничная и довольно гнусная физиономия наемника, которому наплевать – убивать, грабить, жечь, лишь бы за это хорошо платили... Собственно, Владимир Свечников по прозвищу Гвоздь таким и являлся. Да и остальная его компания представляла собой сборище головорезов и отморозков один похлеще другого. Другие вряд ли смогли бы так «блестяще» выполнить недавнюю операцию...

– Ну что ты там возишься? – нервно поинтересовался он у связиста, который располагался тут же. – За это время можно телефонную станцию построить.

Уже десять минут тот пытался с кем-то связаться. Но то ли из-за плохих метеоусловий, то ли по какой другой причине это не совсем получалось.

– Устал я... – прогудел один из «десантников» и повалился на спальник. – Не каждый день такая работка выпадает, да? – После этих слов он ткнул своего сослуживца локтем в бок.

Тот замахнулся на него, однако бить явно не собирался.

– Хочешь спать – спи. Не ты один устал.

– Этот дебил уже очнулся? – Свечников кивнул головой в сторону связанного Воеводина.

– Сейчас проверим, – с садистской ухмылкой сказал лысый здоровяк в форме сержанта.

Он встал, подошел к связанному, ткнув того ногой в живот. Миротворец чуть было не застонал, но нашел в себе силы сдержаться. Он только промычал что-то и остался лежать, как был. Пока что он еще не решил, как ему вести себя, так что некоторое время лучше было изображать из себя бесчувственное тело.

– Нет, в отключке, – сделал заключение «сержант». – Самое время с утеса сбросить эту падаль.

– Какие же они субтильные, эти «лягушатники», – ухмыльнулся «старлей», презрительно плюнув в сторону связанного. – Ну, что там? Сколько можно резину тянуть?!

– Сейчас, – пробурчал связист.

Гвоздь присел и достал сигарету. Не успел он поднести огонь, как связист протянул ему трубку. Воеводин лежал далековато, чтобы разобрать все, о чем шла речь. Однако командир говорил довольно разборчиво и громко, поэтому суть диалога немного прояснилась:

– Ну о чем речь? Естественно, выполнили! Все, как и договаривались, – ни одного лишнего движения. Мы же профессионалы, – хмыкнул Свечников. – Сделали так, что комар носа не подточит. Одним словом, любо-дорого поглядеть.

Воеводин напряженно вслушивался. Бандиты, принимая его за француза, в разговорах особенно не церемонились, полагая, что он ни бельмеса не понимает по-русски. По тону главаря было понятно, что человек по ту сторону провода – заказчик. Но кто он и о чем шла речь далее, миротворец так и не понял. Гвоздь продолжал беседу.

– Так что там насчет гонорара? – «старлей» немного напрягся, ожидая ответа на свой главный вопрос.

– Все в порядке – сумма, как и договаривались, поступила на ваш счет в указанном абхазском банке, – послышался ответ, – однако на этом ваша миссия еще не закончена.

– В смысле?.. – предводитель самозванцев нахмурил брови и закурил. – Что еще за новости? У нас была договоренность на конкретное дело. Мы рассчитывали, что сразу после выполнения задания нас эвакуируют в соответствии с планом.

Головорезы, сидевшие и лежавшие в отдалении, лениво переговаривались о чем-то.

– «В смысле» еще одно задание – и вы свободны. Оплата двойная. – Заказчик, похоже, хорошо знал, какие аргументы стоит применять в разговорах с наемниками.

Люди, для которых чужая жизнь – пылинка, реагируют только на звонкую приманку.

– Хм... Как на этот раз со свидетелями? – Гвоздь почесал затылок.

– Не твоя забота! – собеседник был довольно резок. – Теперь мировое сообщество всему поверит. Насчет объекта: пакет, который вы получили с амуницией, содержит всю необходимую информацию. Напоминаю – от плана ни на шаг. Тогда все наши гарантии останутся в силе.

– Так... – «старлей» вспомнил еще одну деталь. – А как же водила?

– Тоже не твоя забота. – Видимо, люди по ту сторону трубки были предельно уверены в своих действиях.

Гвоздь ощущал небольшой дискомфорт, подкрепленный, однако, вполне реальными опасениями.

– Вскрывайте пакет, действуйте по инструкции, получайте свои деньги – и дело закрыто. Понятно?

– Понятно, – кивнул главарь.

– Тогда сеанс окончен. Успехов... – В ушах снова зашумели помехи.

Гвоздь не выглядел довольным переговорами, а его бойцы ожидали объяснений. Сомнения Свечникова были совсем небезосновательны. Устроив такую резню, они спровоцировали в буквальном смысле всемирный скандал. Заказчик как-то обмолвился об этом еще в прошлом сеансе связи. Следовательно, все упущенные свидетели – это козыри в какой-то непонятной для них игре. Но его тревожило еще одно – ведь и исполнители заказа, по сути, также являлись и его свидетелями. А предстоящее задание сулило быть еще более «внушительным». И что с ними, интересно, произойдет после? «Старлею» очень не хотелось об этом думать, но он понимал – скорее всего, их должны будут убрать. Но с этой проблемой он разберется после задания...

«Никуда вы не денетесь! – мрачно думал он, затягиваясь сигаретой. – Денежки будут моими, а о том, как исчезнуть, я и сам позабочусь!»

Тем временем заскучавшие наемники обратили свое внимание на пошевелившегося миротворца:

– Очнулся, козел!

– Смотри, хлопает глазами, как корова!

Воеводин понимал, что его «пробуждение» повлечет за собой неприятности, но деваться было некуда. И тянуть тоже. Неприятности начались с мелочи. Одному из десантников пришлось по душе натовская куртка майора, и он не преминул об этом заявить вслух.

– Надо бы его пошерстить, – согласился его товарищ. – Все равно выкуп и за голого дадут. Так что нечего добру пропадать.

– А тебе-то что?

– Как это «что»? Картишки раскинем, тогда и поглядим, кому фарт привалит!

Скрепив это своеобразное мародерское согласие дружным взрывом хохота, они подошли к Воеводину. Будучи уверенными, что он ни бельмеса по-русски не понимает, наемники решили пользоваться суровыми методами общения приказного порядка в виде жестов.

– Слышь, ты, макака французская, снимай свою жилетку. Она мне приглянулась. Так что, чем быстрее я получу ее, тем для тебя же лучше, – начал бугай.

Наемник наглядно показал, что нужно делать пленнику, чтобы не вызвать агрессии.

Воеводин все прекрасно понимал, но, опять же, решил не подавать вида. Он встал, немного пошатываясь, и протянул руки – «мол, развяжите». Наемники быстро сообразили, и один из них принялся разрезать путы. Его товарищ, не доверяя пленнику, все-таки схватил автомат и взял «француза» на мушку.

Пока миротворцу освобождали руки, он пытался сообразить, как ему поступить дальше. Бежать вряд ли смог бы – даже обезоружив тех, кто находился в палатке, у него не хватило бы сил прорваться через остальных. Тело слушалось довольно скверно, и поэтому он счел нужным до поры до времени изображать смиренного военнопленного. Пусть думают, что ничего не понимает. План никак не хотел складываться, и Воеводин просто обреченно внимал пересудам на свой счет. Радовало его только одно – убивать его, по крайней мере сейчас, никто не собирается. Террористы, боевики, наемники – или как назвать этих ублюдков – надеются получить за него выкуп.

Судя по той информации, которую пленник сумел выхватить из разговора с заказчиком, о том, что он жив, вполне возможно, никто и не подозревает. Но это таило в себе и некоторую опасность – если эти бандиты не найдут способа получить деньги за голову майора, они уж наверняка прирежут его как барана. А такая перспектива устраивала его мало.

Свечников тем временем вскрыл пакет и достал пачку документов. Внимательно изучая информацию, он то и дело качал головой. Никто из его подчиненных не подходил к нему, но по реакции командира было очевидно, что работа предстояла не самая плевая.

– Заканчивайте с этим муилой и – отдыхать. Нам тут подкинули нешуточный номер, – громко произнес «старлей», глядя на пленного.

Как раз в этот момент мародеры стаскивали с него куртку. Когда обнажилось предплечье, а потом и само плечо, командир поначалу недоуменно прищурился, а затем опешил от увиденного. Все остальные также выглядели ошеломленными. Воеводин понял, что ситуация выходит «из-под контроля».

– Это что ж такое, а? – один из наемников, криво ухмыляясь, указал на татуировку: «Североморский морпех, 1990–1993».

– Вот это да!

Служба, начатая Воеводиным еще во времена Советского Союза, теперь в самый неподходящий момент выплыла наружу.

– Та-а-к, вот такой сюрприз... – главарь встал и двинулся к пленнику с пугающим выражением и без того малоприятной физиономии.

«Вот и приехали», – уныло подумал майор.

Глава 6

Резонанс по поводу трагических событий в мирном грузинском селе не утихал. Все население города Зугдиди, находившегося неподалеку от места трагедии, было взбудоражено ужасными новостями. В город ввели дополнительные части грузинских войск. Ситуация очень напоминала военное положение.

По городу ехал запыленный «УАЗ», направляясь в сторону окраин. За рулем сидел «таинственно исчезнувший» водитель Бенуа. Отар Авакидзе, докурив сигарету, ловким щелчком отправил окурочок на дорогу. Внезапно на одном из перекрестков водитель заметил военный кордон. По приказу одного из постовых он остановил автомобиль. Военнослужащий, судя по погонам сержант, подошел к машине и жестом попросил опустить стекло. Авакидзе занервничал, но последовал приказу.

– В чем дело, командир? – хриплым голосом спросил он постового. – Разве я что-то нарушил?

– Ничего особенного. Проверка из-за недавних событий. Будьте добры, покажите, что у вас в салоне, – заученными выражениями прострочил сержант.

Отар вылез из машины, открыл двери салона. Пара вояк залезла внутрь, пошарив под сиденьями, один из них заглянул в бардачок, но ничего подозрительного они не нашли.

– Спасибо. Можете проезжать, – сказал сержант.

Авакидзе молча забрал права, сел обратно в кабину и выжал газ. Его лоб был покрыт испариной.

«И так нервы на пределе, а тут еще новые сюрпризы, – думал он, – так недолго и до инфаркта».

Несмотря на тревожные события, грузины всегда остаются грузинами. Так и сегодня – календарь свидетельствовал о том, что в городе царило воскресенье. В прямом смысле этого слова – никто никуда не спешил, из открытых окон домов слышались разговоры и смех. По узким улочкам гуляли влюбленные парочки, прохожие чинно здоровались и так же неспешно расходились по своим делам. Хотя дел в праздники ни у кого особо не было.

«Уазик» уже проехал центр города и теперь лавировал среди бетонных коробок окраин Зугдиди. Периферия здесь мало чем отличалась от кварталов рабочей бедноты по всему миру: плотная мрачноватая застройка с безликими домами и столь же равнодушными жителями.

Машина выехала к стройплощадке. Здесь автомобиль остановился, и Отар вышел из кабины. Ноги затекли и слушались не очень-то хорошо – и неудивительно, ведь он провел за рулем практически сутки. Немного поприседав для разминки, Авакидзе почувствовал другое беспокойное ощущение – голод. В нервозности он совершенно забыл и о пище. Успокоив себя мыслью о том, что, когда все закончится, он вернется к нормальному графику, Авакидзе направился в сторону подъемного крана.

На площадке не было ни одного человека. Широкие грязные канавы и полуржавые бульдозеры составляли основную картину стройки. Классические строительные вагончики кучковались где-то на самом краю, а слева от них находилась недостроенная бетонная стена со множеством выемок.

Отар достал из нагрудного кармана мобильный телефон и набрал номер. От волнения у него даже в глотке пересохло. Поднеся трубку к уху, он стал дожидаться ответа.

– Слушаю, – кто-то по ту сторону поднял трубку.

– Аллю! – чуть не выкрикнул Авакидзе. – Это я, вы меня узнали?

– Конечно, узнали, – с сарказмом ответил невидимый собеседник. – Как же можно ошибиться? Вы уже прибыли?

– Да, я здесь. Я уже на месте. Что мне делать дальше? – Авакидзе озирался, бросая опасливые взгляды.

– Идите вдоль недостроенного фундамента. В третьей выемке лежит кейс, – диктовали ему, – в кейсе – гонорар.

– Да-да... – Отар выглядел несколько потерянным. – Я понял, сейчас иду туда.

– Спасибо за работу, вы сделали все как надо. Я очень доволен, вы оправдали возложенные на вас ожидания. Можете не беспокоиться – о вас никто больше не вспомнит. Счастливо! – Голос по ту сторону отчеканил как будто заранее заученные фразы, и связь оборвалась.

Авакидзе спрятал телефон и зашагал в указанном направлении. Руки неприятно тряслись, а сам он нервно озирался по сторонам. Груз предательства давил нестерпимо, но Отар утешался мыслью о том, что, забрав деньги, он навсегда исчезнет из этого города и этой страны. И никто никогда больше не увидит его. Когда он соглашался на это задание, им руководила забота о семье. Сейчас же над всеми прочими интересами и заботами довлело единственное желание – исчезнуть.

– Ничего-ничего, – бормотал он, – главное – забрать. Забрать и выбраться. А там уже я...

Пройдя несколько десятков метров, он оказался у подъемного крана. На его стреле висела тяжелая бетонная плита, а в кабине никого не было. «Странно», – подумал про себя Отар, однако маршрута не изменил. Подойдя вплотную к фундаменту, он двинулся к указанной ячейке. Отар неприятно удивился, когда обнаружил, что там ничего нет. Авакидзе снова вытащил телефон и хотел было набрать номер, как вдруг сверху раздался тяжелый свист.

Он поднял голову и замер от страха. Прямо на него летела плита, а лебедка крана разматывалась так быстро, что шансов изменить что-либо уже не было. Отар понял, что это конец – он не мог даже пошевелиться. «Несчастный случай», – пронеслось у него в голове, и через мгновение плита рухнула на безвольное тело, переломав Отару Авакидзе кости и раздробив череп.

Глава 7

Ночь опустилась на горные отроги, окутав подножия кряжей непроглядной тьмой. С наступлением темноты в горах температура стремительно падает, особенно на вершинах. Низменности покрываются густым туманом, многие звери прячутся по своим норам до наступления утра. Кажется, что ночью даже сами горы погружаются в спячку – ни единого звука не доносится со стороны этих каменных исполинов.

Внезапно в спокойном ночном небе появились какие-то белые точки. Это явно были не звезды – мало того что они не мерцали, так еще и постоянно увеличивались в размерах. Спустя несколько секунд сторонний наблюдатель мог бы сделать вполне резонный вывод – скорее всего, это купола парашютов. Снижаясь, они постоянно смещались в западном направлении, видимо, пытаясь так выстроить свой полет, чтобы кучность приземления была максимальной. Вскоре купола скрылись за горным пиком, что также было вполне логично – демаскировка мобильной группы в самом начале задания – не самый лучший поступок.

Парашютисты пролетели еще метров двести в направлении небольшого заснеженного плато и вскоре посыпались на землю, как спелые финики. Основная часть приземлилась в разбросе не более ста метров, но пару человек все-таки занесло на самый край пологого склона. Одним из них был Батяня. В полете он специально действовал стропами таким образом, чтобы приземлиться немного в стороне от основной группы. Его соображения были логичны и довольно просты. Командиру всегда нужно думать за всех, кто находится в его подчинении. Хотя в его подразделении все до единого были контрактниками, причем трое – боевыми офицерами, страховка в десанте лишней не бывает. Кроме того, майору нужен был более широкий обзор. Отделение в основном приземлилось на западную часть плато, а ведь обзор подножия и прилегающих отрогов открывался только с южной, возвышенной части.

Собрав парашют, Лавров внимательно осмотрелся. Пока все шло по плану – приземление ровно в 10.15, пункт назначения в двух километрах, весь отряд на месте. Он направился к основной группе, стараясь производить как можно меньше шума.

Когда вся группа была пересчитана и выстроена, Батяня указал в направлении горной вершины. И снова – ни единого слова. Отряд молча двинулся вслед за командиром, а тот, в свою очередь, за проводником. Они шли бок о бок, и Батяня, чтобы уточнить некоторые моменты, вполголоса переговаривался с ним:

– Ваше имя?

– Ованес, – откликнулся тот.

– Армянин...

– Да, верно. Ованес Мирзоян. Но я хорошо знаю еще грузинский, мегрельский, абхазский и русский языки. Это не считая иностранных, – без тени всякого хвастовства сообщил проводник.

Лаврова вполне удовлетворил ответ. Адекватный и толковый помощник – дело редкое. Поэтому он задал еще один, последний, вопрос:

– Сколько лет в войсках?

– Выслуга – двадцать лет, – все в той же тихой манере ответил армянин.

Больше майору ничего не надо было знать. Он довольно сносно разбирался в людях – богатый опыт позволял анализировать личность на основании тех признаков, которые обычный человек затруднится даже назвать. В этом деле, видимо, играло не последнюю роль и чутье Батяни – «не тех» людей он вычислял на раз. А проводник не вызывал у него никаких явных подозрений.

Шли они около часа. Еще перед десантированием Лавров сообщил своим подчиненным, что суть задания изложит им только по прибытии в пункт конечного назначения.

Вся группа была одета в обычный камуфляж, без знаков различия и шевронов. Это было одним из основных требований – если даже их засекут в подобном наряде, никто не сможет точно сказать – боевики это или кто-то другой.

Когда Батяня вскарабкался на горную вершину, он позволил себе в голос озвучить первую за сегодня общую команду:

– Быстро подтянулись! Поправить амуницию и отдышаться. Через пять минут построение.

Десантники резво устремились вслед за командиром, немного отдохнули и выстроились в шеренгу. Батяня вместе с проводником стали перед строем.

– Итак, сейчас я кратко изложу вам суть нашего задания, – начал Лавров. – Мы находимся здесь для выполнения двух боевых задач. Во-первых – мы должны вычислить группу псевдодесантников, обезоружить или уничтожить их. Командира приказано брать живым, но... – Батяня посмотрел на проводника. – Но если эти подонки окажут сопротивление – валите всех без разбору. Я не хочу рисковать вашими жизнями. Все ясно? – Строй молчал.

– Отлично. Теперь несколько важных пунктов по поводу нашей тактики, – Батяня указал на проводника: – Этот человек, как вы уже, видимо, догадались, – наш проводник. Ованес Мирзоян служил в абхазской армии, советский офицер. Он будет помогать нам во время передвижения в горах и при необходимости контакта с местным населением.

Десантники посмотрели на проводника. Многие уже успели презнакомиться с ним в самолете, поэтому по первому вопросу ни у кого вопросов не возникло.

– Во-вторых, непосредственно реализация поисковых мероприятий. Для этих целей у нас имеется связник с соответствующей аппаратурой. С ее помощью мы сможем пеленговать все вражеские выходы в эфир, а также засекают мобильные телефоны и местонахождение их владельцев. Если повезет – найдем их к завтрашнему утру...

В строю раздались одобрительные возгласы. Однако по выражению лица майора было понятно, что он еще не закончил свою речь.

– Но самое главное в задании – это полная и безусловная скрытность, – «особым» тоном произнес Батяня. – Дело в том, что мы находимся на грузинской территории, и находимся фактически нелегально. А это значит, что если нас рассекретят, то уже никто не будет разбираться, кто мы на самом деле и откуда. Международный военный трибунал и пожизненный срок. Это понятно?

Перспектива, нарисованная десанникам, выглядела не очень веселой, и они переглянулись, переваривая услышанное.

– А как же наши? – недоуменно спросил один из подчиненных, лейтенант Гришин.

– Наши помочь ничем не смогут, – отозвался Лавров. – В случае чего, командование от нас просто отрекается, и все. Такая уж у нас операция и такая ответственность. А это значит, что мы полностью сами за себя. И вот именно поэтому с этими тварями не стоит церемониться. Если с их стороны раздастся хоть один выстрел – огонь на поражение. Командира в любом случае беру на себя, понятно? Ну, вот и ладненько. А теперь надо быстро установить палатки, назначить дежурного по лагерю и помочь связисту разложить аппаратуру. Выполнять!

Солдаты и офицеры сразу же принялись за дело. Батяня не просчитался – информация о печальном завершении задания в случае провала оказала нужное воздействие. Все бойцы его отделения – ребята устойчивые, и поэтому психика у них работает на особый военный манер. Ценности и принципы их дела являются для них естественными – и поэтому им гораздо уютнее работает в обстановке полной ответственности за свою жизнь и своих товарищей, чем под каким бы то ни было дипломатическим прикрытием.

Лавров тем временем снова подозвал проводника и выяснил у него несколько важных деталей, касающихся местности. Все дело в том, что майор не верил генеральскому тезису о том, что заказчиками и исполнителями этой кровавой постановки были грузины. Вопрос о

русских отметался сам собой. Поэтому он применил тактический ход – учитывая психологию наемника и характер выполняемого задания, просчитал, в какую сторону с наибольшей вероятностью будет двигаться отряд противника.

На север они пойти не могли – там бы они рано или поздно наткнулись на российских миротворцев, а те бы уже точно не стали церемониться. Пойдут в противоположную сторону, то есть на юг – обязательно демаскируются. Там очень много сел, и компактность проживания населения довольно плотная. Так что если их там заметят местные жители, то тут же сдадут военным или, чего хуже, порвут на части. Не стоит забывать, что из-за постоянных конфликтов почти у каждого в доме есть огнестрельное оружие. Восточное направление так же бесперспективно, как и северное...

Следовательно, остается один вариант – на запад. Даже при том, что в этом случае придется продираться через негостеприимные болота, есть перспектива выхода к морю. А это уже довольно серьезный шанс на спасение.

В данной ситуации Мирзоян играл очень важную роль – пробираться по местным топям вслепую было бы, мягко говоря, неразумно. Колхидские болота представляют собой гораздо более опасную штуку, чем, например, среднеевропейские. Жаркий климат и близость моря придают им множество разных «штрихов», а фауна этих мест просто сочится всякой мерзостью. Хотя укусы большинства населяющих болота змей и иных гадов несмертельны, вырубить человека на долгое время некоторые представители местной фауны могут запросто.

Между тем десантники уже развернули пункт связи и поставили две палатки. Огонь зажигать было категорически запрещено – тогда они из тщательно замаскированной диверсионной группой превратились бы в маяк. А этого никому не хотелось.

Батяня подошел к связисту, приказав настроиться на волну связи со штабом. Он должен был доложить о том, что приземление прошло успешно. Также стоило апробировать и радиолокатор – аппаратура здесь была довольно специфическая.

Как только связист надел наушники, в кустах неподалеку послышался шорох. Лавров тут же среагировал, потянулся за автоматом – и вдруг произошло нечто необъяснимое. Прямо на связиста из кустов с чудовищным ревом бросилось непонятное животное огромных размеров, с бешеными красными бойницами глаз. Тот еле успел отскочить, однако станции не повредилось. Она была в один момент растоптана тяжелыми ногами непонятного зверя. Батяня выхватил нож, вскочил на ноги и оказался прямо напротив страшного животного. Из-за того, что зверь сбил один из светильников, то место, в котором он находился, было сейчас не освещено. Лавров успел заметить только рога и косматую бороду животного. В следующую секунду зверь с ревом бросился на майора. Батяня извернулся и наотмашь полоснул ножом. Чудовище взвыло, однако майор чувствовал, что серьезного ранения он нанести так и не смог.

Один из офицеров схватил автомат, но Батяня жестом приказал не стрелять – они могли привлечь внимание, и тогда вся миссия пошла бы псу под хвост. Тем более у бывалого вояки созрел интересный план. Он повернулся спиной к скале и свистнул со всей мочи. Животное тяжело развернулось и бросилось на звук. Когда чудовище подбежало на расстояние метров пяти, Лавров кувырком прыгнул между его лап. Зверь по инерции врезался в камень, немного пошатнулся и снова развернул морду, чтобы найти этого наглого двуногого. Но Батяня, не теряя времени, ловко подскочил прямо к голове этой горы шерсти и мышц и под небольшим наклоном всадил нож в нижнюю челюсть. Непонятное создание издало кошмарный вой, мотнув головой, и ударило майора рогами прямо в грудь. К счастью, удар пришелся наотмашь, боком, но и этого хватило. Майор отлетел в сторону и сильно ударился рукой о камень. На этом его сопротивление окончилось. Однако и зверь больше не сделал ни одного наступательного движения. Сталь ножа пресекла его движения. Через пару мгновений у него подкосились ноги, и исполинский зверь тяжело рухнул на бок.

Один из солдат тут же подскочил к животному, видимо, переполненный желанием добить его ударом штык-ножа в висок. Батяня пытался крикнуть, но из-за удара дыхание перехватило. Зверь конвульсивно дернул ногой, и солдат отлетел к той самой каменной стене, в которую всего несколько секунд назад врезался загадочный монстр.

Майор напряг силы и, оперевшись рукой о камень, встал. Остальные уже окружили зверя и рассуждали о том, что за тварь напала на них. Батяне хватило и одного взгляда, чтобы безошибочно определить, кто лежал перед ним на холодном каменном плато.

– Это тур, – прохрипел Лавров: удар в грудную клетку все-таки временно сказался на работе легких. – Что-то вроде зубров или буйволов, только кавказского разлива.

– А почему он напал на нас? Они ж вроде спокойные?.. – недоуменно спросил один из офицеров.

За Батяню на этот раз ответил проводник:

– У них сейчас гон – вот они и звереют. Могут даже на человека напасть. Вот, кстати, пару лет назад подобный случай был километрах в десяти отсюда. Только тогда все закончилось не так хорошо.

– Понятно, – ответил старлей и кивнул на сломанную станцию: – А что нам теперь с этим делать?

Преодолевая боль в груди, Батяня улыбнулся:

– Нет худа без добра. Если уж пообщаться не удалось, то хоть нормального мяса вместо тушенки налопаемся.

В ответ на эти слова солдаты заулыбались.

– А со станцией чего-нибудь придумаем, безвыходных положений не бывает, – заключил командир группы. – Эй, Куницкий, у тебя ЗИП есть?

– Так точно, товарищ майор! – отозвался связист.

– Ну, вот и займись. А мы пока освежаем горное страшилище.

Глава 8

По пыльной дороге быстро ехал «УАЗ» типа «буханка». Где-то далеко на горизонте маячил город Зугдиди, а машина стремительно удалялась от него в противоположную сторону. Автомобиль был разрисован маскировочным камуфляжем, что давало все основания предположить, что «УАЗ» принадлежал какому-то военному ведомству.

За рулем сидел Давид Джабелия. В салоне помимо него находилось еще пятеро в камуфляже и французенка, о которой ему говорил Георгадзе. Бойцы были в прекрасном расположении духа. Еще бы! Не каждый день с ними на задание выезжает очень милостивая молодая особа, ко всему прочему еще и французенка. Препятствием бурной коммуникации служило только одно – никто не знал, как с ней общаться. Грузинского она почти не знала, а грузины не владели французским. Вернее сказать, никто, кроме Джабелия. Однако тот был погружен в раздумья совсем иного рода.

До села оставалось совсем немного, и с каждым километром Давида охватывало все усиливающееся чувство волнения. Когда он в прошлый раз посещал Зугдиди, ему сказали, что в селе никого не осталось. Не поверив на слово, Давид все-таки добрался туда. Но поговорить там действительно оказалось не с кем. Все жители села разбежались кто куда, опасаясь повторения кровавой резни. Страхи, конечно, совершенно необоснованные, но их ужас легко можно было объяснить... И вот сейчас у него появилась надежда на то, что он сможет узнать, что случилось с его матерью. Давид подсознательно верил, что она осталась жива, и хотел как можно скорее получить хоть сколько-нибудь достоверное сообщение о судьбе самого дорогого для него человека.

Однако вместе с тем он не спешил забывать и о госзадании. На этот раз он работал в полной, можно сказать, «шпионской» засекреченности. Легендирование их поездки в село было следующим. Французскому корреспонденту Бенуа, для гарантирования ее безопасности, был придан отряд охраны из числа бойцов спецназа. Легенда выглядела настолько реальной, что и сама Элен не подозревала от том, что эти люди имели несколько иные задачи, чем охрана ее персоны. Проще говоря, по замыслу высшего командования журналистку использовали «втемную».

В свою очередь, международный статус Элен и волшебная аккредитация одного из крупнейших французских национальных телеканалов «Антенн-2» открывали перед ней практически безграничные возможности. Что, собственно, и было нужно Джабелия. Первым пунктом плана значился сбор максимального количества информации по «нужному» вопросу. Заявись они в военной форме, вряд ли бы кто-нибудь стал с ними разговаривать. А милостивая журналистка, вызывавшая доверие уже из-за своего французского шарма, была вполне подходящим инструментом для пополнения пока что весьма небогатой информационной базы.

Внезапно на горизонте появились первые руины жилых домов. Элен тут же попыталась достать камеру, но учтивые камуфляжники не позволили потратить девушке лишние силы и быстро помогли извлечь «аппарат». Она только мило улыбнулась в ответ, настроила фокус и начала снимать развалины. Между обгоревших стен и каменных печей уже сновали люди – это значило, что жители начали возвращаться в село. Бенуа этот факт очень порадовал – еще в Тбилиси ее предупреждали, что там может вовсе не быть людей и поездка пройдет впустую. Но она настояла на своем – и не ошиблась.

Вскоре Давид остановил машину. Местные жители с недоверием смотрели на «УАЗ», а когда из него вышел человек в военной форме, чуть было вновь не попрятались за близлежащими кустами. К счастью для Джабелия, один из них узнал своего старого односельчанина и бросился к нему с возгласом радости. Элен, не теряя времени, тщательно снимала все проис-

ходившее. Она уже предвкушала, какой материал может получиться из серии ее репортажей об этом конфликте.

Вслед за Джабелия из машины начали вылезать и спецназовцы. Они были одеты в стандартный камуфляж – никаких масок или опознавательных знаков России. Автоматы они специально держали стволами вверх – мол, мы пришли с миром. Последней из салона вышла Элен. Один из спецназовцев, оставшийся на всякий случай в автомобиле, передал ей камеру, и она попросила одного из сопровождавших ее немного побыть оператором. Сделала она это на русском языке, что несказанно порадовало солдат.

Тем временем Джабелия подошел к одному из полуразрушенных домов. Это был его родной дом – в этих местах он рос и воспитывался. Воспоминания на несколько мгновений волной нахлынули на Давида. Он оперся на обгоревший камень и тяжело вздохнул. Однако предаваться таким мыслям было не время – стоило выяснить, что здесь произошло, и особенно – что произошло с его матерью. Среди мертвых ее не было, трупа в доме тоже не обнаружили... Все это являлось для Давида первоочередной задачей. Пока Бенуа настраивала камеру и «раскручивала» нескольких местных на интервью, он направился к старику Зурабу. Джабелия помнил его еще с детства – казалось, и тридцать лет назад он был таким же старым и молчаливым, как и сейчас.

– Пойду я со стариком поговорю, – кивнул Давид своему заместителю. – Сосед все-таки. С детства его помню, добрейшей души дед...

– Но сначала нам нужно узнать, в какую сторону ушли русские! – заартачился тот.

Джабелия скептически хмыкнул – Нико был его заместителем, довольно амбициозным молодым человеком, лезшим во все «щели».

– А с чего ты вообще взял, что это были русские?

Тот немного опешил от такого странного вопроса:

– Но вы же сами видели видеозапись и говорили с генералом. Сомнений же никаких нет – это российские мерзавцы!

Давид начинал терять терпение:

– Да с какого рожна ты взял, что это правда? А вдруг это подстава? У тебя что, совсем мозги не работают?

– Я верю только своим глазам, – гордо заявил Нико.

Несмотря на свой молодой возраст, он был резким человеком и всегда настаивал на своем мнении. Даже в спорах с высшим командованием.

– А твои глаза не говорят тебе о том, что во всей этой истории слишком много нестыковок? Например, касаясь вот этой, – Давид кивнул в сторону француженки. – У меня есть масса вопросов по поводу ее роли в этой истории.

– Товарищ командир, вы только усложняете все, – не прекращал гнуть свою линию заместитель. – Ведь весь мир уверен в том, что это русские. Даже если существует вероятность того, что это ложь, – нас это не касается. Мы должны найти и...

– Да тише ты, – шикнул Давид. – Еще возьми в руки рупор и труби по всем окрестностям.

Бенуа ни о чем не знала, и раскрываться перед ней было вовсе не обязательно. Однако Элен не обратила никакого внимания на их разговор. Она была слишком увлечена беседой с местными жителями, которые с большой охотой давали комментарии произошедшим событиям.

Джабелия устало посмотрел на Нико. «Молодой ты еще, резвый! – подумал он. – Копытом землю хочется бить...»

Хотя винить этих бойцов было не в чем – они просто выполняли свое задание, и думать над тем, кто тут прав, а кто виноват, не входило в их компетенцию. Все строго по-военному – принцип единоначалия. Кто-то приказы отдает, кто-то их выполняет. Полный порядок.

Но вот Джабелия этот порядок сейчас как-то не устраивал. Зачем русским такая явная, грубая и глупая провокация? Зачем им раздувать только-только утихший конфликт, и так унесший жизни большого количества невинных людей? Зачем вырезать целое село, вырезать миротворцев, да еще допускать столь серьезную утечку информации? Давид давно думал об этом и понимал, что такие поступки противоречат всякой логике... с российской стороны. Но ведь в это может вполне быть замешана и «третья» сила – некто, обладающий властью и желающий продолжить и усилить эскалацию конфликта. Конечно, это могут быть и грузины, и американцы, и вообще черт знает кто. Но к мысли, что это были не «официальные» русские, Давид склонялся все больше.

Да и в судьбе Бенуа был целый ряд моментов, который вызывал весьма резонные вопросы. Убежать она бы не смогла, если бы ей этого не позволили. Значит, утечка информации был запланирована. Она смогла быстро и без потерь добраться из этой глуши до Тбилиси – если бы даже ее упустили из лагеря миротворцев, то после бы точно нашли. У Давида осталось слишком много вопросов, а вот ответов не хватало...

Однако один вопрос он мог разрешить прямо сейчас. Просто отодвинув своего заместителя в сторону, он подошел к старику и почтительно поздоровался:

– Скажи мне, Зураб, видел ли ты мою маму? Я был после того в селе, но никого не застал. А сейчас, смотрю, люди стали возвращаться.

– Да, сынок, – кивнул седой как лунь старик. – Твоей матери очень повезло – она ушла в горы собирать травы как раз перед тем, как началась эта резня...

– Что ты говоришь? – разволновался Давид. – И что, после этого ее никто не видел?

– Нет, сынок, никто. Но я чувствую, что она жива, – старик откашлялся, а затем пронзительным взглядом уперся в лицо Джабелия: – Скажи, а зачем ты здесь?

– Я сопровождаю эту репортершу. Не подумай дурного. Тем более я хочу отыскать маму, а ты мне очень в этом помог. Ты вселил в меня надежду. Спасибо.

Старик улыбнулся, снова закашлявшись. Давид легонько похлопал его по спине:

– Береги себя, Зураб! Спасибо, что не забываешь своих! Может, какая помощь нужна?

– Нет, спасибо, сынок, – отрицательно покачал тот головой. – Сейчас нам помогают все.

И наши, и вот из-за границы гуманитарки навезли – на год хватит.

Джабелия тепло попрощался со старым грузином и подошел к Элен.

– Ну, как тут дела? Слышал, вы уже научились говорить по-русски? – В его голосе слышалась ирония.

Та немного замаялась, но все-таки ответила:

– Я просто не хотела привлекать внимание.

– Понятно, – Давид улыбнулся. – Ну, тогда не буду вам мешать, работайте.

Его настроение значительно улучшилось. Теперь у него была надежда на то, что мама жива. И не просто призрачные иллюзии, а реальные факты – она была в горах. Конечно, и там могло приключиться что угодно, но все-таки хоть как-то успокоить себя ему удалось.

Вдруг спецназовец, оставшийся в машине, открыл дверь и позвал командира:

– Есть новости. Только что сообщили, что на вершине одной из гор видели дым. Скорее всего, костер.

– Кто сообщил? – прищурился офицер.

– Полковник Георгадзе.

Джабелия сразу смекнул, что к чему.

– Отлично! Одного человека оставляем здесь, остальные – в машину. Журналистка тоже останется в деревне.

Однако девушка, услышав, что за ее спиной буквально решается судьба ее материала, тут же запротестовала:

– Нет! Я тоже поеду! Я журналист, и мое место там, где что-то происходит.

Джабелия не любил спорить с женщинами, но сейчас проявил жесткость:

– Я не хочу неприятностей. Здесь вам будет безопасней.

Элен скорчила саркастичную гримасу и уточнила:

– Вы уверены? С одним-то солдатом? Вот если что-то случится, то уж точно проблем будет больше именно здесь.

Джабелия был настолько взволнован новостями, что решил больше не препятствовать француженке.

– Хорошо, вы поедете с нами. Только никакой самостоятельности – ваша безопасность полностью зависит от меня, и, следовательно, вы подчиняетесь моим приказам. Это понятно?

Элен кивнула кудрявой головой, однако в ее глазах плясал огонек, не суливший Давиду спокойной жизни. Впрочем, тот и сам здраво понимал, во что ввязался...

Глава 9

На небе бледным светом блистал месяц, звезды мерцали все ярче. Птицы уже умолкли, и тяжелая тишина расползлась по неровному ландшафту предгорий. Горная ночь веяла свежестью и удивительным ощущением высоты – свободы и бескрайнего пространства.

На одной из горных вершин, в укрытии, незаметном для посторонних глаз, горел огонь костра. Он был разведен с толком: чтобы дым не шел вверх и не выдавал расположение группы, Батяня приказал развести его под широкими листовыми кронами.

Запах жареного мяса щекотал ноздри проголодавшихся десантников, и, предвкушая ужин, они обменивались впечатлениями. Основной темой был, конечно, виновник торжества – тур. Солдаты и офицеры посмеивались над собственной темнотой, из-за чего некоторые из них умудрились всерьез принять это животное за какую-то потустороннюю тварь. Батяня сидел поодаль и наблюдал, как сержант Спицын управляет с сочными кусками мяса, нанизанными на вертел. Грудь майора еще побаливала, но дыхание пришло в норму, и теперь он просто отдыхал.

Хотя понятие «отдыха» было для него весьма спорным. Если Лавров не ползал по болотам, не крошил супостатов и не рисковал жизнью, то он отдыхал. А так – все равно мысли кружили вокруг темы, исследуя ее вдоль и поперек.

Из раздумий его бесцеремонно вырвал проводник, только что вернувшийся из разведки. По приказу майора он спустился в злополучное село и, представившись близким родственником одного из погибших, выяснил всю возможную информацию. Даже при том, что Мирзоян провел в деревне не меньше двух часов, информация не отличалась особым богатством. Однако кое-что полезное он узнал. Во-первых, десантники ушли в западном направлении. Тут Батяня мысленно пожал сам себе руку – если он смог спрогнозировать действия врага на первом этапе, то, возможно, его смоделированная конструкция будет иметь успех и в дальнейшем.

Во-вторых, по сообщениям местных, все головорезы говорили по-русски без акцента. То есть вполне возможно, что они на самом деле являлись русскими. Эта новость заставила Батяню задуматься еще раз – похоже, что это были наемники. Версия с Российской армией в реальности даже не рассматривалась.

Собственно, на этом полезные новости кончались. Все остальное к операции отношения не имело. Так, по словам проводника, все оставшееся время ему жаловались на дурную жизнь и на то, что после инцидента никто так и не позаботился даже о временных жилищах для пострадавших, не говоря уж о материальной компенсации за утерянное имущество и уничтоженные дома...

– Что же, Ованес, спасибо за проделанную работу, – поблагодарил его Лавров. – Отдыхайте.

Проводник снял кепку и устало вытер вспотевший лоб. Затем, пройдя несколько шагов, он уселся, прислонившись спиной к кривому, перекрученному ветрами дереву.

Лавров подошел к связисту, который все еще пытался починить радиостанцию:

– Ну, Куницкий, как у тебя дела?

– Товарищ майор, радиостанцию для связи со штабом я почти починил, – четко доложил связист, – а вот с аппаратом по пеленгованию сигналов пока туговато. Но, думаю, в течение часа я что-нибудь придумаю.

– Молодец, сержант, – похвалил его Батяня и похлопал по плечу. – Так держать. Как только станция заработает – сразу зови.

– Так точно, товарищ майор! – с улыбкой ответил связист.

Не зря подчиненные майора относились к нему с таким уважением – они знали, что он не принадлежит к числу армейских самодуrow и «паркетных генералов», которых, что греха таить, хватает с избытком.

Сержант, занимавший в этот вечер еще и должность повара по совместительству, снял первый кусок мяса с вертела. Немного потыкав его ножом, он решил, что мясо уже дожарилось. Увидев это, Батяня зычно объявил:

– Бойцы, приступить к поеданию чудовища!

Десантники встретили его шутку веселыми возгласами, и через пару минут весь отряд собрался у костра, ожидая сытного ужина.

Однако Батяня не забывал об осторожности. Как только последний кусок был снят с самодельного вертела, он тут же приказал засыпать костер и выставил часового на подходе к лагерю. Остальное подразделение расположилось у радиорубки.

Батяня первым вцепился в мясо и, тщательно пережевывая кусок, воздал достойную похвалу повару. Другие тоже времени даром не теряли – порасхватывая куски, принялись усердно жевать, перемалывая массивными челюстями свежезажаренного тура.

Внезапно из тех самых кустов, из которых недавно выскочило обезумевшее животное, раздалась автоматная очередь. Батяня тут же прокричал «Ложись!» и вместе с сидевшим рядом Мирзояном упал на землю. За первой раздалась и вторая очередь, прошедшая в нескольких сантиметрах от аппаратуры. Лавров жестами приказал не вставать. Внезапно стрельба прекратилась, а в кустах кто-то зашуршал. Стрелок явно дал стрелкача через кусты.

Батяня мгновенно вскочил, отдал пару четких приказов:

– Двое – со мной, остальные – в лагере. Никуда не отходить. Не стрелять и не привлекать внимания. Вперед!

Лавров и два офицера пустились в погоню за невидимым автоматчиком. Не успели они пробраться через кусты, как по ним вновь открыли огонь. Капитан Качин уже вскинул автомат, но майор схватил его автомат и опустил вниз:

– Не стрелять!

Когда огонь прекратился, по ту сторону кустов что-то щелкнуло, и небольшой предмет шлепнулся слева от преследователей. «Граната!» – пронеслось в голове у Батяни. Однако Гришин, лежавший рядом с «местом приземления», быстро успокоил его, протянув отстрелянный рожок от АК-74. Майор улыбнулся, однако в кустах вновь раздался щелчок – неугомонный стрелок поставил второй магазин.

Батяня жестами распорядился окружить стрелка по флангам, но ни в коем случае не открывать огонь. Сам он начал осторожно подползать к тому месту, откуда велась стрельба. Лавров старался издавать как можно меньше звуков, он раздвигал кусты руками, то вприсядку, то ползком подкрадываясь к противнику. Вскоре Батяня услышал тяжелое дыхание и понял – стрелок шагах в двух-трех. И тут майор неосторожно наступил в гнездо какой-то птицы. Птица встрепенулась и с громким стрекотом буквально выстрелила у него из-под ног. Следом за этим выстрелил и автоматчик. Пуля оцарапала плечо майора, и теперь нельзя было терять ни секунды.

Окончательно сориентировавшись по вспышке и опередив следующий выстрел, одним прыжком майор упал на противника, сбил его с ног и выхватил из рук оружие. И тут, взглянув на стрелка, Батяня немного опешил – это был мальчик лет тринадцати, очевидно, один из местных. Офицер тут же смекнул – один из «народных мстителей». Напарники Лаврова также не теряли времени, появившись как из-под земли.

«Робин Гуд» молчал весь путь до лагеря. Хотя Батяня ничего и не спрашивал. Он только втайне пожалел, что из-за стрельбы придется срочно менять место дислокации, а следовательно, починка станции оттянется еще на черт знает какой срок.

Когда они прибыли к позиции, подразделение находилось в состоянии боевой готовности. Когда они увидели мальчишку, отряд разделился на два лагеря: кто-то был за то, что этого пацана стоит отпустить. Вторые – что пристрелить, потому что этот «гаденьш» через годик-другой вырастет в полноценного террориста и будет так же стрелять в других офицеров и солдат. Батяня пока не спешил делать никаких выводов. Он завел мальчика в палатку, застегнул вход, усадил его напротив и начал с простого и очевидного вопроса:

– Ты зачем в нас стрелял?

Мальчик насупился и молчал. В прыжке Батяня случайно разбил ему губу, и теперь она распухла и кровоточила. Пацан был худым, взлохмаченным и взъерошенным – в общем, типичный кавказский подросток.

– Повторить вопрос? Или со слухом проблемы?

Мальчик поднял голову, и майор увидел, что в его глазах играет совсем недетская ненависть.

– А зачем вы моего папу и сестру убили, сволочи?

Лавров, в общем-то, именно этого и ожидал.

– Сынок, это не мы... – начал он объяснять, но, как выяснилось, слушать его не собирались.

– Ишак тебе сынок, сволочь русская! Я тебя пристрелю! – мальчик бросился к автомату, стоявшему в углу. Однако майор опередил его, и через секунду маленький мститель оказался на том же месте. Обиженно утерев рукавом нос, он снова насупился. Батяня понял, что так ничего не добьется. Поэтому решил пойти на небольшую демаскировку и нарушить режим конспирации:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.